

ПАМЯТИ МАНСУРА ВЕКИЛОВА

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

ВЕХИ

Встречи и расставание

Когда-то в глупой, восторженной юности, когда хмельные стихотворные строчки только еще начинали бродить в моей крови, я скупала в книжных магазинах и киосках города тоненькие книжечки стихов. Со временем их набралось столько, что домашними было мне настроено наказано немедленно освободить от них наш многострадальный книжный шкаф, оставив только те, которые будут мною читаться и перечитываться. Перебрав книжицы, я, к своему удивлению, без особых сожалений раздарила их все – кроме одной, с которой не смогла расстаться, потому что стихи в ней, очень лиричные, с изящными рифмами и образами, были удивительно созвучны моей душе. Это был голубой стихотворный сборничек Мансура Векилова «Плеск весла».

Пройдет немало лет, прежде чем я робко переступлю порог его редакторского кабинета в «Литературном Азербайджане», чтобы по совету друзей предложить для возможной публикации свои скромные опусы. Впечатление от личной встречи было точно такое же, как и от поэтической: ощущение своего, близкого по духу человека. Быть может, еще и потому, что он, уже давний житель поэтического Олимпа, был прост и приветлив со мной, стихи мои принял благосклонно и вскоре их напечатал. Охотно публиковал их и далее.

Мы общались не столь часто, как хотелось бы, но общение это всегда было для меня щедрым подарком судьбы. Не только потому, что я очень любила его стихи, которые были для меня настоящим поэтическим «лакомством», но и потому еще, что всегда, почти физически, ощущала некие духовные нити, протянувшиеся между нами, которые с годами крепили...

Стихи, опубликованные им в разное время в «его» журнале, особенно дороги мне, потому что они были прочитаны и отобраны им. Какие-то из них он правил, придавая строчкам завершенность и отточенность, свойственные всему, что он делал. Поэтому в каждом из них есть и частица его. Я назвала эти свои воспоминания «Вехи», потому что каждая наша встреча была своего рода вехой на моем литературном пути.

И за каждую я безмерно благодарна...

...С чего начать? Наверное, с самой первой встречи, когда я впервые пришла в редакцию журнала «Литературный Азербайджан», которая размещалась тогда (это был 1995 год) напротив станции метро «Баксовет» (ныне – «Ичери Шехер»), на улице, называвшейся в те годы Коммунистической. В литобъединении «Хазар», которое я тогда посещала, иные доброхоты мне категорически не советовали даже пытаться, потому что тамошний главный редактор, якобы, почти никого «со стороны»

не печатает. И все же я, взяв с собой с десятков стихотворений, набралась храбрости и пошла. Мне сказали, что редактор журнала – Мансур Векилов, и это заставило меня оробеть еще больше. Ведь сборник стихов именно этого поэта, «Плеск весла», в свое время случайно купленный в киоске «Союзпечати», был на протяжении уже многих лет одним из самых моих любимых...

Большой интерес к литературе, к поэзии был у меня с детства. Я и сама что-то сочиняла. Однако вышло так, что, несмотря на всегдашнюю мою тягу к художественному слову, судьба меня забросила совсем в иную сферу – я окончила юридический факультет Азгосуниверситета и достаточно долго работала по полученной специальности. Стихи периодически писала, но исключительно для себя – это были как бы дневниковые записи, которые у меня и в мыслях не было кому-либо показывать. И стихи своих любимых поэтов, в том числе и мансуровский сборник, почти не перечитывала. Но прошло время, и я поняла, что занимаюсь не совсем тем, чем бы мне хотелось. В моей жизни все изменилось – я забросила уставы и кодексы и теперь вновь с наслаждением перечитывала любимых писателей и поэтов, стала ходить на встречи в литературных объединениях... И вот теперь, узнав, что мне предстоит встреча с Мансуром Векиловым, я достала из глубин шкафа хранившуюся в нем в течение двух с лишним десятков лет голубую книжечку. Читая и перечитывая ее, я заново узнавала этого прекрасного поэта (об этом сложится стихотворение, которое спустя несколько лет я покажу Мансуру, и он его опубликует). Вот несколько строк из него:

***Мне было девятнадцать лет,
Когда я с вами повстречалась,
Не наяву – какая жалость! –
Не наяву, и не во сне.***

***Прохладный томик голубой
За прозрачным стеклом киоска –
Непримечательный, неброский,
Но я его взяла с собой.***

***Его читала в тишине,
От ощущения немея,
Что существует на земле
Душа, так схожая с моею...***

Мне казалось странным, что такой поэт живет с нами в одном городе, и все это воспринимают как должное. И можно даже пойти и увидеть его «живьем»... Я вовсе не надеялась, что он вот так вот сразу напечатает мои «вирши», просто хотелось услышать его мнение, узнать, стоят ли чего-то мои стихи и надо ли мне продолжать их писать.

И вот я вхожу в подъезд старого дома, выстроенного, наверное, лет сто назад щедро и с размахом: арка над входом, просторные помещения, высокие потолки... Здесь размещался целый ряд самых разных учреждений, начиная, помнится, с городской прокуратуры и Торговой палаты и кончая Обществом зеленых и редакциями нескольких литературных журналов, выходящих под эгидой Союза писателей... Поднимаюсь в массивном, громоздком лифте на четвертый этаж (выше, под самым небом – только мастерские художников), иду по неухоженному, широкому и гулкому кори-

дору, нахожу нужную дверь. За ней в просторном, светлом кабинете с большим окном, за которым вдаль виднеется море, никого. Подождав немного, вижу идущего мне навстречу высокого, светловолосого, красивого человека: «Вы ко мне? Я – Мансур Векилов»...

Я теряюсь: на обложке моей книжицы он совсем другой – темные усы, темные волосы – впрочем, фотография не цветная и потому не дает точного представления об «окрасе» того, кто на ней изображен. А здесь – светлые глаза, из которых льется чуть лукавый и такой ясный свет. Он смотрит на меня доброжелательно и предлагает войти. Представившись, робко сообщаю ему о цели своего визита. «Давайте посмотрим ваши стихи», – говорит он.

Я смотрю, как он, не спеша, тут же, при мне, внимательно прочитывает принесенные мной стихи. Исходя из уже имеющегося опыта, я ожидала, что он скажет что-то вроде того, что, мол, оставьте стихи, я очень загружен, будет время, прочту, позвоните мне дней через десять, – что я сочла бы вполне нормальным. Но он был другим, не как все, как я со временем узнаю, другим во всем, и эта его непохожесть на других была прекрасна. Во мне этот человек с первой же встречи вызвал самые теплые чувства и, надо сказать, что в течение почти полутора десятков лет нашего знакомства он ни разу не дал повода для того, чтобы они стали хоть чуточку холоднее.

Я обратила внимание на то, что какие-то стихи он откладывает в сторону, и в моей душе затеплилась робкая надежда, что в них, быть может, он нашел что-то, стоящее его внимания. И тут он снова удивил меня. Подняв голову от листов с моими творениями и указав на отложенные в сторону, просто сказал: «Вот это я, пожалуй, опубликую. Остальное мне понравилось меньше, но пишете вы хорошо. Приходите к нам еще. Я с удовольствием буду вас печатать. Правда, гонораров авторам мы сейчас, к сожалению, платить не имеем возможности»... Какие там гонорары – главное, что мои стихи появятся в настоящем литературном журнале!

К этому времени мои стихи и очерки не раз уже публиковались в различных газетах, но «Литературный Азербайджан» – совсем другое дело. Журнал этот – издание для настоящих профессионалов в области литературы. Поэтому обещанная публикация наполнила меня таким восторгом. Векилов дал мне телефон редакции, предложив звонить, проводил меня до двери, и мы попрощались. Не чуя под собой ног и не очень веря в реальность происходящего, я, проигнорировав лифт, спустилась вниз по крутым ступеням и, воодушевленная, отправилась домой.

Как я потом узнала, журнал в тот период переживал не лучшие времена. Середина 90-х вообще была достаточно сложным временем – СССР распался, экономика разваливалась, нужно было строить новое, независимое государство и новую экономику. Поэтому до журнала у государства руки не доходили – известно, что подобные издания существуют за счет господотаций. Во время торжества желтой прессы и литературной «клубнички», которые после снятия всех запретов правили балом, помощь государства становилась еще более актуальной. А ее не было. В ту пору многие периодические издания, такие, как, например, газета «Молодежь Азербайджана», попросту приказали долго жить. То, что этого не случилось с «Литературным Азербайджаном», – во многом заслуга Мансура Векилова. Он в течение ряда лет тянул журнал на себе, изыскивая возможности где-то достать бумагу, средства для оплаты услуг типографии и стараясь найти для журнала авторов, часть из которых уехала из страны, часть ударилась в бизнес. Речь идет о стоящих авторах – в графоманах не

достатка у журнала никогда не было. Да еще нужно было, чтобы авторы эти согласились публиковать свои вещи «на общественных началах», то есть – без гонораров. Но Векилов умудрялся как-то решать эти проблемы. Журнал существовал в режиме строжайшей экономии, выходил минимальным тиражом, всего в 100 экземпляров, и выходил не ежемесячно, а раз в три, а то и в шесть месяцев. Векилов привлек в журнал много новых авторов, среди них немало по-настоящему талантливых, но публиковал порой и откровенно слабых, переписывая их чуть ли не на 50 процентов... Но журнал – жил! И это было главным.

Мой первый визит в журнал и знакомство с его редактором состоялось летом 1995 года. И вскоре вышел очередной номер – N 1-6 за 1995 год. И в нем была подборка моих стихов, и это было здорово! Кстати, когда доброхоты впервые услышали о результатах моей встречи с Векиловым и его обещании меня опубликовать, они поведали мне, что он все мои стихи «искромсает» и переделает. И опять ошиблись – Мансур не изменил в моих стихах ни строчки, ни слова.

Летом этого же, 1995 года, произошло и еще одно важное для меня событие – я впервые попала на одно из ежемесячных заседаний литобъединения – «Родник», которое работало при газете «Вышка». До этого я бывала на встречах в литобъединении «Хазар», и они, честно говоря, мало что мне давали в плане литературного опыта. Другое дело «Родник». В то время его вел Владимир Кафаров. Встреча с ним также сыграла немалую роль в моей жизни. Я стала ходить на его занятия постоянно. Он был не только прекрасным поэтом и переводчиком, но, на мой взгляд, и прекрасным педагогом – я очень четко ощутила, что, внимательно прислушиваясь к его замечаниям, сделанным не только мне, но и другим авторам, приходившим в «Родник», можно очень многому научиться. Должна сказать, что ко мне Кафаров благоволил: после прочтения первой же показанной ему подборки он, хотя и подметил ряд несуразностей, все же в целом отозвался о моих стихах достаточно лестно и впоследствии это свое первое мнение не раз подтверждал. Пройдут годы, и он публично станет называть меня своей ученицей – говорю об этом с гордостью и признательностью.

Вообще, начав возвращаться в мире литераторов, я вскоре узнала, что в нем, если говорить об азербайджанской поэзии, создаваемой на русском языке, существует три корифея: Векилов, Кафаров и Мамедзаде. С Сиявушем Мамедзаде я тоже вскоре познакомлюсь. Три этих поэта станут для меня дорогими, близкими людьми, и каждый из них сыграет свою роль в моей жизни, всегда – самую положительную, за что я им безмерно благодарна. И все-таки самым близким по духу, по отношению к жизни, по взглядам на литературу будет для меня Мансур Векилов. Мне всегда было с ним легко – так, как ни с кем другим, – особенно в последние годы.

Поскольку я восстанавливаю вехи наших встреч, в основном, по публикациям в журнале, вынуждена пропустить весь 1996 год, потому что журналов за этот период у меня почему-то не сохранилось. Помнится, что-то я приносила в редакцию, и Векилов это публиковал. К сожалению, следующий номер журнала, который я обнаружила в своем архиве, – N 1-4 за 1997 год. Надо сказать, что и этот – 1997 год – был для меня весьма удачен: Мансур печатал меня в каждом номере «Л.А.», а всего их в том году вышло три – теперь уже журнал выходил раз в четыре месяца. Впрочем, быть может, я действительно не печаталась в 1996-м в журнале, потому что была занята совершенно новой для меня работой, о которой обязательно хочу рассказать, потому что здесь я познакомилась с Ирадой Векиловой.

Итак, начиная с 1994 года, я начала активно публиковаться в местных газетах – «Азербайджан», «Гюнай», «Вышка». Это были документально-художественные очерки о шехидах (позже Центр культуры славян, по заказу которого и писались эти материалы, издаст по ним книгу «Своя земля»). Летом 1995-го я показала свои очерки Владимиру Кафарову, и он их одобрил. Он в то время работал в газете «Гюнай» литературным редактором и вскоре предложил мне написать для их газеты материал о работе баиловского ДК морских офицеров. Я решила попробовать. Это был первый материал, заказанный мне газетой. Предварительно договорившись с директором ДК, я отправилась туда и провела там полдня... Полная впечатлений, села дома за статью и написала ее на одном дыхании. Кафаров ею остался доволен, статью опубликовали. Вскоре Владимира Азимовича «переманили» на работу в другую газету. И с этим событием связан достаточно большой и важный этап и в моей жизни. Речь идет о газете «Бакинский рабочий», которая в советское время была в республике чем-то вроде московской «Правды» или «Известий», то есть – главной газетой. После развала Союза газета захирела и постепенно перестала выходить. Формально она продолжала существовать, какие-то сотрудники по-прежнему числились в ней, но фактически давно уже не работали, зарплату не получали, газета не издавалась. Возвратившийся к власти в 1993 году и избранный президентом страны Гейдар Алиев решил газету реанимировать, придав ей статус президентской газеты – ее учредителем стало Управделами Президентского аппарата. Для того чтобы поднять газету, необходимо было предпринять ряд шагов. Первым стало назначение на пост главного редактора газеты Ирады Векиловой – известной журналистки, в свое время сотрудничавшей в газетах «Молодежь Азербайджана» и «Вышка». Теперь же она создала и возглавила первое в стране информационное агентство АССА «Ирада», которое на тот момент весьма успешно работало. Агентство требовало от нее полной отдачи, и от предложения возглавить «Бакинский рабочий» она поначалу отказалась. Однако, как мне рассказывали, ее вызвал Гейдар Алиевич и в личной беседе попросил все же взять на себя руководство газетой, поскольку это нужно для республики. И Векилова согласилась.

Ей нужны были грамотные люди – многие бывшие сотрудники «Бакраба» разъехались, кто куда. И она пригласила в качестве своих заместителей Владимира Кафарова и Сиявуша Мамедзаде. А Кафаров предложил ей в качестве корреспондента меня. Это было большим доверием, потому что я не была профессиональным журналистом и только в последние год – полтора начала писать какие-то очерки. Векилова сказала, чтобы я представила ей свои журналистские работы. Их было не так уж много, я передала их через Кафарова. Она довольно долго медлила с ответом, пока к Кафарову не подключился и Сиявуш Мамедзаде, с которым я к тому времени тоже была уже знакома, и с которым мы хоть и редко, но тепло общались. И Векилова пригласила меня к себе на предмет трудоустройства. Это была очень серьезная, строгая женщина – таково было мое первое впечатление о ней. Она спросила, на какие темы мне бы хотелось писать. Я ответила, что меня интересуют литература, музыка, живопись. Векилова ответила, что о культуре и без того многие пишут, ей же нужен человек, который бы писал на социальные темы, и, учитывая, что я по образованию юрист, это как раз для меня. Честно говоря, мне хотелось на тот момент полностью отойти от своей бывшей профессии, но отказаться я не решилась. И была зачислена корреспондентом в редакцию социальных проблем. Было это в ноябре 1995 года. И с тех пор моей новой профессией стала журналистика.

В «Бакинском рабочем» я проработала почти 10 лет. Уже через год после прихода в нее Ирада ханым сделала меня спецкорром, а еще через год – зав. редакцией социальных проблем. Я уйду из этой газеты только в 2003 году, с должности заместителя главного редактора, похоронив за два года до этого моего учителя, Владимира Кафарова, который проработает в «Бакрабе» до самой своей смерти.

Но все это будет потом. Пока же я только начала работать в газете. И вскоре с огромным удивлением узнала, что Ирада Векилова – супруга Мансура Векилова, та самая, которой он посвятил не одно стихотворение в столь любимом мною голубом сборничке, который я с таким восторгом читала. Вот строчки из одного из посвященных ей стихотворений:

***Ира,
Сквозят под ледком хрупкой просини,
Как телеграфные краткие сны,
Веслышки ясеня –
Весточки осени
Или, быть может, весны.
Ира,
Ты рядом,
Ты просто – поодаль.
Воздух в Останкино пьется легко.
Там, где достало труда,
Я все отдал,
То, что осталось во мне, глубоко...***

То, что героиня стихов одного из моих самых любимых поэтов – наш главный редактор, удивило меня, потому что нарисованный им романтический образ трудно было увязать с твердой, решительной, всегда упорно идущей к цели и умеющей ее добиваться Ирадой ханым. Этими качествами она, кстати сказать, обладала с детства – как мне расскажет ее родственница Земфира ханым, работавшая в «Бакрабе» корректором, будучи подростком, Ирада ханым со своей семьей жила в Ашхабаде. И когда случилось то самое печально известное ашхабадское землетрясение, семью Ирады ханым завалило в обрушившемся доме. К счастью, они не пострадали физически, но морально, конечно, это было огромное испытание. Они находились под завалом, сидели, скорчившись, в полной темноте, не надеясь на спасение – на их крики никто не отзывался. И тогда девочка Ирада начнет разгребать камни и щебень, медленно продвигаясь вперед, пока не увидит впереди полоску света, на которую они выползут и будут вызволены оттуда – теперь их услышат...

Мансур был совсем другим: мягкий, лиричный, очень интеллигентный, изысканно-ироничный. Впрочем, со временем я узнаю и ее, и его ближе, и пойму, что она – человек очень добрый, всегда готовый не на словах, а на деле помочь тому, кто в этом нуждается, чем многие, к сожалению, пользовались без зазрения совести; он же, при всей своей внешней мягкости, может быть в каких-то вопросах очень твердым, порой даже жестким – правда, проявлялись эти качества крайне редко, во всяком случае, на моей памяти... Мне тоже довелось столкнуться с этим его качеством – правда, за все десять лет нашего общения – лишь однажды. Это было в 1998 году. Мансур сказал мне, что в этом году отмечается юбилей Михаила Мушфига, и было бы хорошо, если бы «Бакинский рабочий» как-то отметил это событие. Я с головой зарылась в материалы об этом поэте и вскоре написала о нем материал – по отзывам,

очень неплохой. Позвонила Мансуру, сказала, что материал вышел. Дней через десять мы встретились на каком-то литературном мероприятии, и я, ожидая похвал, спросила его о материале. Но он сказал, что в материале слово «Мушфиг» дважды прошло как «Мушвиг», чего сама я, к сожалению, не заметила. «Мушфиг заслуживает более внимательного отношения к себе», – сказал тогда Мансур, и был совершенно прав...

Со временем у нас с Ирадой ханым, так же, как и с Мансуром, сложатся очень теплые, доверительные отношения, хотя я общалась с ними с каждым по отдельности и никогда – вместе. За исключением одного случая, о котором расскажу позже.

Я написала об Ираде ханым так подробно потому, что все это имеет самое прямое отношение к главному герою моего повествования – Мансуру Векилову. И еще потому, что незадолго до его ухода из жизни пообещала ему написать о его ушедшей из этого мира десять лет назад супруге и не смогла этого сделать по не зависящим от меня причинам. И вот теперь, пользуясь возможностью, постараюсь хотя бы коротко рассказать и о ней – тем более что она и Мансур, при всей их непохожести, всегда составляли единое целое. Ирада ханым любила его безоглядно, в разговорах с другими нежно называла его «мой Мансурчик», стойко защищала его интересы, принимая все его дела близко к сердцу. Помню, как она однажды возмущалась, когда на вечере памяти Сергея Есенина ведущая зачитала посвященные этому поэту стихи Мансура и не назвала автора.

Мансур же о жене при мне никогда не говорил, и можно было подумать, что он относится к ней более сдержанно. Но после ее смерти он не будет расставаться с ее фотографиями, которые будут стоять у него и дома, и в редакции. На них Ирада ханым – красивая, веселая и здоровая...

Надо сказать, что они с Мансуром были эффектной парой. Однажды мне довелось встретить их на улице, она была в длинном, по моде тех лет, черном пальто, отделанном мехом, и выглядела счастливой и довольной рядом со своим спутником. Мансур был на редкость хорош в длинном светлом пальто с поясом и в светло-серой каракулевой папахе, которая выглядела на нем удивительно уместно, хотя тогда никто в городе таких не носил. Я никогда не видела его в этом наряде ни до, ни после этого и была поражена его статью, какой-то аристократической осанкой – я в то время еще не знала о его бекских корнях, но тогда их в нем четко почувствовала. Обычно же Мансур одевался как все, стараясь не выделяться из толпы, хотя в любой одежде он обращал на себя внимание, быть может, и не столь явное, как в тот раз.

С Мансуром мы в те дни почти не виделись, лишь изредка встречаясь на каких-то литературных мероприятиях.

Дела с газетой заставят меня на какое-то время забросить занятия поэзией, и в редакцию «Литературного Азербайджана» я теперь буду приходить не так часто. Но как только у меня появлялись новые стихи, я спешила в журнал, и Мансур обычно публиковал почти все.

За годы, минувшие после нашей первой встречи, мы с Мансур-муаллимом (так я его называла), стали намного ближе – мы теперь могли говорить не только на поэтические, но и на темы вне поэзии. В частности, он нередко интересовался моими делами в газете. Я поняла, что он многое знает о тамошней ситуации от Ирады ханым.

К примеру, о том, что в редакции «Бакраба» «ставленников» Ирады ханым – Владимира Кафарова, Сиявуша Мамедзаде и меня – приняли без особой радости. «Поэты» пришли» – говорили там с усмешкой. Старожилы газеты можно было понять

– Кафаров и Мамедзаде пришли на довольно высокие посты, на которые претендовали те, кто проработал в газете много лет. Но Ираде ханым нужны были люди, которые смогут не просто отредактировать представленные материалы, но и «олитературить» их, оживить, в этом смысле выбор ее был понятен. Однако старожилы считали иначе. В ход пошли сплетни, толки, домыслы. Доставалось и мне, так как я тоже была «из их компании». Причем, мне доставалось больше, так как «сладить» со мной было проще, чем с такими корифеями, как Кафаров и Мамедзаде. В какой-то момент я даже, не выдержав, ушла из газеты, передав заявление об уходе через секретаршу Ирады ханым, а не ей лично, чтобы избежать объяснений с ней. Но Ирада ханым сделала все, чтобы я вернулась...

То, что Мансуре была известна эта ситуация, хотя я с ним никогда о ней не говорила, я поняла, когда он прочел мне по телефону строчки, которые посвятил мне:

***Елизавета,
Елей Завета,
Пели про то, пели про это...
Злые наветы
Канули мимо
Елизаветы,
Богом хранимой.***

Я была безмерно горда тем, что такой поэт написал что-то для меня. Он потом подарит мне листок, на котором от руки напишет эти строки. Но там уже «пели про то, пели про это» будет заменено на «пили за то, пили за это», и в этой же редакции он даст это небольшое стихотворение в одной из своих книг. Эта замена сделает смысл стихотворения не совсем ясным, но мне было понятно, почему он изменил в нем строчку...

Конечно же, Ираду ханым расстраивали все эти мутные течения в редакции. Мансур переживал за нее – ей приходится нелегко: трудно было тянуть на себе и газету, и агентство, да еще и решать бесконечные психологические проблемы в коллективе. Не знаю, повлияло ли все это на здоровье Ирады ханым, но вскоре она начала сильно болеть. Началось это где-то со второй половины 1997 года. Она лечилась в Баку, ездила на лечение в Москву. Я точно не знала, что с ней. Лишь позже мне расскажут, что у нее сколько-то лет назад была операция, связанная с онкологией, все завершилось, вроде бы, успешно, но вот теперь ситуация внезапно вновь ухудшилась. Не могу ничего утверждать, но, насколько мне известно, таким больным особенно важен эмоциональный комфорт, душевный покой для того, чтобы организм мог справиться с хворью. У Ирады ханым такого покоя не было, и потому, наверное, не было сил бороться с недугом. Она до последнего скрывала от сотрудников свою болезнь, как бы плохо ей не было, приходила на работу и делала газету, причем, газету хорошую. Кажется, в начале 1998-го ей сделали еще одну операцию – ее оперировал известный хирург в Каспаровской больнице. Помню, как я пришла навестить ее где-то через неделю. Она все еще лежала в реанимации, но держалась бодро. И говорила не о своей болезни, а о делах в редакции, пыталась заочно решить какие-то конфликты, которые там продолжались.

Вскоре после выписки она появилась на работе, как и прежде, энергичная, полная идей и замыслов. Но очень скоро ей вновь стало хуже. И теперь уже ничто ей не помогало. Ей было трудно ходить, но она, преодолевая себя, каждый день приезжала

в редакцию. Ей было трудно сидеть, и она иногда беседовала со мной, лежа на диване, стоявшем у нее в кабинете. Она похудела, пожелтела... Я в это время перечитывала книгу ее очерков, которую она мне подарила, – очерков, написанных легким пером и потому читаемых мною с интересом и удовольствием. Мне кажется, что у Ирады ханым были и немалые литературные способности, и мне было бесконечно жаль, что эта красивая, сильная, талантливая женщина задавлена страшной болезнью. Она сражалась с ней до последнего. Но все же наступил день, когда она не смогла выйти на работу, и это означало только одно – ей очень плохо. Я звонила ей домой, пыталась ее поддержать, как-то спросила, можно ли ее навестить. У меня был печальный опыт общения с такими больными – они обычно не хотят видеть никого, кроме самых близких людей, а иногда – и их тоже. Но Ирада ханым неожиданно согласилась, отпросила меня с работы у заменявшего ее первого зама Владимира Морозкова и выслала за мной редакционную «Волгу». Было начало лета, стояла уже почти жаркая погода. Мы с водителем приехали в 4-й микрорайон, вышли у одного из домов и поднялись на третий этаж. Так я впервые оказалась дома у Мансура. Дверь нам открыл он сам. Мне он показался каким-то потерянным, неуверенным, будто он не знал, что делать, как быть дальше. Не было присущей ему обычно некоей вальяжности, не было света, струившегося из глаз. Мы прошли к Ираде ханым, и Мансур засобирался уходить – ему нужно было в редакцию. Ирада ханым попросила его сначала сходить в магазин – мне показалось, что ей не хочется его отпускать. Но он торопился, попросил сходить в магазин нашего водителя, а мне сказал: «Вы сможете побыть здесь, пока я буду в редакции?» «Конечно», – ответила я, и он ушел. Водитель спустился в ближайший ларек – Ираде ханым хотелось помидоров.

Надо сказать, меня удивило то, что такие известные и заслуженные люди живут в микрорайоне, а не, скажем, в центре города. Но еще больше меня удивило их жилище: весьма и весьма скромное, оно было обставлено самой обычной мебелью и явно требовало ремонта. Позже такое же впечатление на меня произведет квартира Владимира Кафарова. По всей видимости, и Мансур-муаллим, и Ирада ханым настолько были заняты работой, что до решения своих бытовых проблем у них просто не доходили руки.

Ирада ханым с интересом расспрашивала меня о делах в газете, о новых материалах, я подробно рассказала ей обо всем и передала принесенные с собой последние выпуски «Бакрабочего». Сказала, что в редакции все ждут ее возвращения (хотя, если честно, в то, что она вернется, почти никто уже не верил). Но она с уверенностью говорила о своем выздоровлении, будто хотела убедить в этом всех, и в первую очередь – себя. Мне тоже очень хотелось в это верить – глядя на нее, казалось, что так и будет. Она была, как всегда, деятельна – лежать без дела она не умела. Все время думала о газете. Попросила меня позвонить в один из отделов все еще возглавляемой ею газеты и передать ее поручение. Я набрала номер и передала все, о чем она просила. В ответ услышала (для меня это было неожиданно и поразило меня), что пусть Ирада ханым уже оставит всех в покое и думает не о делах газеты, а о вечном. Сказано это было человеком, для которого Ирада ханым сделала очень и очень много... Я сидела на стуле рядом с диваном, на котором она лежала, и очень беспокоилась, не слышала ли она что-то из сказанного на том конце провода. Наверное, я не смогла справиться с эмоциями, и она что-то прочла по моему лицу. «Что?», – спросила она. «Они все сделают», – ответила я. Она испытующе посмотрела на меня, но ничего не сказала.

Она стала говорить о том, как поправится, и тогда сделает то-то и то-то. И вдруг сказала: «Только бы выкарабкаться, только бы проскочить! В прошлый раз мне это удалось...». А потом стала звонить в больницу хирургу, который ее оперировал в последний раз. Но ей отвечали, что он подойти к телефону не может. И тогда она потребовала, чтобы я поехала в больницу и поговорила с ним. «Передай, ведь нужно же что-то делать! Пусть сделает мне еще одну операцию – я готова! Пусть делает, что хочет, но вытащит меня!» Она говорила горячо, и в голосе ее было страстное желание выжить, жить, быть...

Мы с водителем отправились в больницу. Я представилась и попросила о встрече с оперировавшим ее хирургом. Он к нам вышел. Услышав, что я по поручению Ирады Векиловой, спросил раздраженно: «Чего она еще хочет?» Я передала то, что она просила.. Хирург несколько секунд, молча, смотрел на меня. Потом спросил: «Кем вы ей приходитеесь? Родственницей?» «Я – ее сотрудница», – ответила я. Тогда он сказал: «Послушайте, ни о какой операции речи идти не может. Ей уже никто не в силах помочь, понимаете, никто! Мы можем только ждать. И ждать уже недолго»... Я потрясенно молчала. Потом спросила: «Что мне сказать ей?» Он выдвинул ящик стола, достал из него баночку с лекарством. Сказал: «Хорошо, передайте ей, что я сделаю операцию. Но сейчас нельзя, нужно подготовиться. Пусть пьет эти таблетки три раза в день – это будет подготовка к операции».

«Что там?» – спросила я, кивнув на баночку с лекарством. Он ответил: «Витамины. Обычные витамины. Хуже от них не будет. Впрочем, и лучше – тоже»...

Я видела, что он расстроен, раздосадован, как всякий врач, ощущающий свое бессилие перед болезнью. Забрав лекарство и поблагодарив его, мы с водителем ушли.

Возвратившись, я отдала таблетки Ираде ханым, сказала, что хирург обещал прооперировать ее... Услышав это, она явно воспрянула духом. Я же постаралась ее отвлечь от мыслей о газете и болезни. Для начала спросила, не проголодалась ли она, хотя знала от Мансура, что она почти ничего не ест – не хочет и не может. Но она неожиданно согласилась. Попросила молодой отварной картошки. Пока картошка варилась, я помыла несколько помидоров. Было, как я уже говорила, начало лета, и это были первые не парниковые, настоящие помидоры. Оборвав у них зеленые плодоножки, я с удовольствием вдохнула свежий, терпкий аромат – я очень его любила. Боясь показаться странной, все же понесла понюхать и ей. Она посмотрела на меня с благодарностью: «Удивительный аромат! Странно, никогда не замечала»...

Она попросила присоединиться к трапезе и нас – на столе был еще очень вкусный сыр, привезенный из района. Мы с удовольствием перекусили. Ирада ханым «за компанию» тоже немного поела. И обрадовалась: «Вот, я уже ем!» Тогда я, зная, что она уже с неделю не встает, предложила: «А может, вы немного прогуляетесь по комнате?» Мы с водителем помогли ей встать и, поддерживая с двух сторон, прошли с ней несколько раз по комнате, после чего вновь уложили ее. Глаза Ирады ханым сияли от счастья. Я вспоминала слова хирурга и не хотела им верить.

«Слушайте, а приходите ко мне каждый день!» – вдруг сказала она. Мы пообещали. Было уже около шести вечера, и она отпустила нас, сказав: «Мансур скоро придет. А я пока посплю. Не беспокойтесь». И мы уехали...

Я рассказала обо всем этом так подробно, потому что это была последняя моя встреча с Ирадой ханым. И она мне почему-то помнится до сих пор в мельчайших деталях.

И помнится пришедшее тогда понимание: перед лицом тяжелой болезни, в предчувствии конца, необычайное значение приобретают именно мелочи – те, которых мы в обычной жизни не замечаем. Запах свежей помидорной зелени, доброе слово, короткая прогулка по комнате – простые человеческие радости вдруг становятся источником, из которого хочется пить бесконечно. И, быть может, именно они, эти простые человеческие радости, и есть самое главное, ради чего стоит жить, наслаждаясь каждым днем, каждым цветком, веткой за окном, сменой времен года, солнышком, небесной просинью меж облаков...

На следующий день я не смогла приехать к Ираде ханым – меня просто не отпустили с работы, сказав, что я нужна в редакции, нужно было готовить материалы для газеты. Я с головой ушла в работу. Ираде ханым звонила пару раз, она, вроде бы, чувствовала себя сносно. На десятый день после нашей последней встречи я узнала, что Ирады ханым не стало...

Второй мой визит в квартиру Векиловых был еще более печальным – мы с сотрудниками редакции пришли проводить ее в последний путь. Ираду ханым похоронили в Аллее почетного захоронения-2 – такое указание дал лично Гейдар Алиев, который всегда ценил Ираду ханым и ее заслуги перед республикой. Она была блестящим журналистом, и он нередко брал ее с собой в официальные зарубежные поездки, из которых она привозила горячие материалы (сопровождать президента страны за рубеж и освещать его пребывание там доверялось далеко не каждому).

Для Мансура уход Ирады ханым стал большим ударом – он будто бы стал даже ниже ростом. Хотя печали своей не показывал окружающим – по принципу «не вешать свои беды на других», которому он всегда следовал.

Пройдет время, и Мансур, вроде бы, оживет, оправится. Но мне кажется, хотя боль его и поутихла, и он снова мог радоваться жизни, но свою утрату он со временем осознавал все острее. Не стало женщины, которая, как никто другой, болела за него, сопереживала ему, не раздумывая, становилась на его защиту, даже тогда, когда он бывал, быть может, не совсем прав. И – безоглядно любила его...

Вскоре он потеряет еще одну важную – главную женщину в своей жизни – свою маму. Ей будет уже за восемьдесят. Я не была с ней знакома, лишь пару раз говорила с ней по телефону и была удивлена тем, какой у нее молодой, звонкий голос... Для Мансура ее уход станет еще одним тяжелым ударом...

Но журнал Мансур не забывал. Быть может, любимая работа как раз и позволяла ему выстоять, отойти от чувства сковавшей его растерянности перед ударами судьбы.

Месяц спустя после того, как Ирады ханым не стало, вышел очередной номер «Литературного Азербайджана» (N 4-6 за 1998 год). В нем была опубликована подборка моих стихов, которую я передала в журнал еще в начале весны. Мансур увидел в разрозненных стихотворениях общую тему и, расположив их в определенном порядке, напечатал, обозначив как поэму.

В очередной мой приход в редакцию, – где-то в феврале 1999-го, – я принесла в журнал рассказ – это был мой первый рассказ, и меня очень волновало, как его оценит Мансур. Правда, рассказ уже был опубликован в газете «Неделя», и его хвалили, но Мансур – это было другое дело. Рассказ он при мне читать не стал, сказал, что ознакомится с ним позже. Рассказ мой, «Наваждение», он прочел, одобрил и опубликовал. Это была моя первая проза, опубликованная в «Литературном Азербайджане» (в N 1-3 за 1999 год).

Надо сказать, что Мансур не только удержал журнал на плаву, он наладил его регулярный выпуск – правда, пока не ежемесячный, и за опубликованные материалы платили теперь гонорары, поначалу довольно скромные, но со временем они стали вполне приличными. За рассказ я получила сумму, на которую смогла купить себе модные импортные босоножки, которые и притащила в редакцию похвастаться. Мансур их оценил, похвалил и бывший в редакции Сиявуш Мамедзаде, правда, с оговоркой, что с моим ростом можно было бы обойтись без каблучков.

В августе у Ирады ханым был день рождения. И Земфира Шейхзаманова из русской редакции нашего радио решила сделать о ней передачу к этой дате. Я очень удивилась, когда рассказать об Ираде ханым она пригласила меня – было много людей, которые знали ее дольше и лучше. Потом я узнаю, что Шейхзамановой мою кандидатуру предложила двоюродная сестра Векиловой Земфира ханым.

Говорить об Ираде ханым мне было очень легко: она была человеком, который много для меня сделал, и вообще была женщиной достойной во всех отношениях, только, быть может, слишком доверчивой, хотя и далеко не наивной – как ни странно, оказалось, что такое совмещение возможно. Впрочем, не думаю, что это было ее недостатком: доверчивость – обычно свойство порядочных людей, которые не в состоянии представить, что кто-то может их обмануть или подвести, поскольку сами на это не способны.

На следующий день после того, как передача прозвучала по радио, Мансур позвонил мне и поблагодарил за «такой теплый рассказ об Ираде». Он был растроган и повторил мне то, о чем мне говорила и Земфира ханым: «В последние дни Ирада очень тепло говорила о тебе»...

После всех этих событий мы с Мансуром стали еще ближе, я это чувствовала – он как бы принял меня как своего, а не постороннего, чужого человека. В нашем общении мало что изменилось, но я стала постоянно ощущать доверие и тепло, идущие от него. Если мы встречались где-нибудь на литературном вечере, мы старались сесть рядом, чтобы пообщаться. Мы теперь нередко виделись в литературной гостиной Ирины Георгиевны Трофимовой. Мансур там иногда выступал, читал свои стихи, а однажды прочел «Облако в штанах» Маяковского, и я впервые услышала, как здорово он это делает. Он потом расскажет, что к Маяковскому его приобщил отец, который очень любил этого поэта. На одной из таких встреч он предложил мне перейти на «ты» и обходиться впредь без «муаллима» – я по-прежнему звала его Мансур-муаллимом. С тех пор он обращался ко мне на «ты». Мне же для этого потребовалось какое-то время, чтоб привыкнуть.

С Мансуром мы теперь общались не только по делу, но и просто дружески. Как-то я посвятила ему акростих, он ответил мне тем же – к сожалению, ни тот, ни другой у меня не сохранились, о чем я очень жалею. Иногда он звонил – не только для того, чтобы спросить, есть ли у меня новые стихи, но и чтобы прочесть мне что-то свое, только что написанное. Он так общался со многими авторами, был с ними на дружеской ноге. Ему чужд были всяческий официоз, он старался жить и общаться со всеми просто, на равных. В нем много было озорства, мальчишества, иногда это проявлялось в каких-то неожиданных поступках. Однажды после окончания рабочего дня мы с ним вышли из редакции журнала вместе и через Губернаторский сад направились к площади «Азнефть» – там была автобусная остановка, где останавливались и мой, и его автобусы. Был вечер, теплый, майский, уже немного смеркалось. В саду на клумбе распустились белые конусы душистого табака.

– Посмотри, какие чудесные цветы. Говорят, они распускаются только к вечеру, когда все остальные цветы засыпают... И они чудесно пахнут, – сказала я.

Не успела я договорить, как Мансур, на глазах у прохожих, которых было много в саду, шагнул прямо в клумбу и, сорвав один из цветков, протянул мне. Мне было приятно, хотя и немного неловко: на нас смотрели, да могли и сделать замечание. Но Мансур был очень доволен, у него озорно блестели глаза.

– Тебе нравится иногда так вот похулиганить? – поблагодарив за его рыцарский порыв, спросила я.

– Очень, – ответил он с улыбкой. И рассказал, как однажды он, направляясь с одним из своих близких друзей к нему домой, а друг жил в доме возле фуникулера, в таком же вот порыве вдруг шагнул в фонтан со скульптурой, изображающей героя поэмы Низами «Семь Красавиц» Бахрам Гура, отрубаящего голову дракону. Друг шагнул следом. Испулавшись, они, два взрослых товарища, совершенно мокрые, выбрались из фонтана и, очень довольные, отправились к другу домой сушиться, чем очень шокировали маму приятеля Мансура...

Наступило лето. Приближалась годовщина со дня смерти Ирады ханым. После похорон я была у нее на могиле лишь однажды – на сорок дней, вместе с сотрудниками газеты. Мне очень хотелось побывать там на годовщину. Но в газете я попутчиков не нашла, а идти сама не рискнула – я всегда плохо ориентировалась на местности и боялась не найти нужную мне могилу. И тогда я позвонила Мансуру. И попросила его, если он будет идти на кладбище, взять меня с собой.

– Ты, наверное, придешь с родственниками, – сказала я. – Поэтому, если мое присутствие там будет не совсем уместно, скажи мне сразу.

Но он ответил:

– Я буду один. И ты можешь пойти со мной.

Договорились встретиться в день годовщины у издательства, где находилась наша газета, и откуда недалеко было до кладбища. Я беспокоилась, что Мансур не сможет прийти. Но когда в назначенное время спустилась вниз, увидела его. И мы, купив цветы, отправились к Ираде ханым. Могила уже была затянута в гранит, стоял памятник. Мы, молча, с грустью постояли у могилы, думая каждый о своем. Потом покинули это печальное место. Мне запомнилось, что мы выбрали к Ботаническому саду, вошли в него, побродили по его аллеям, – неухоженным, заросшим травой, – между реликтовых деревьев, выбрались из сада с противоположной от официального входа стороны, для чего нам пришлось перебраться через полуразрушенный каменный забор – довольно высокий, но мы его преодолели. Всю дорогу беседовали о стихах, об общих знакомых, о различных жизненных ситуациях. Ни Мансур, ни я обычно не обсуждали обстоятельств личной жизни – его ли, моей ли, наших ли общих знакомых, нам больше интересны были отвлеченные темы и события, во взглядах на которые мы обнаруживали много общего. Об этих самых обстоятельствах личной жизни друг друга мы узнавали совсем не специально, от сторонних людей – желающих посплетничать всегда было много вокруг. Меня всегда покоряли деликатность Мансура, его такт, уважение к другим людям, к их чувствам, его сдержанность...

Вспоминается еще один наш совместный «вояж». Как-то в разговоре я упомянула бакинский зоопарк, сказала, что давно не была там. И Мансур вдруг сказал: «А давай туда сходим!» И в летний солнечный день мы отправились в зоопарк. Запаслись на входе сладкими булками и двинулись к вольерам с животными. Первыми на нашем пути оказались, помнится, змеи – удав, гюрза, полоз, в общем, всякие пре-

смыкающиеся, был там даже небольшой крокодил, лежавший настолько неподвижно, что мы поначалу приняли его за кусок старого дерева. Мансур внимательно наблюдал за всеми этими, не очень симпатичными, представителями фауны. Потом мы долго стояли у клеток с обезьянами.

– У змей и обезьян много общего с людьми, – сказал Мансур задумчиво. – У остальных животных сходства гораздо меньше.

Как я поняла, симпатии ни те, ни другие у него не вызвали. Увидев, что я собираюсь бросить кусок булки мартышке, он сказал:

– Не давай им ничего!

И мы отправились скармливать булки джейранам...

В октябре 1999 года Союз писателей и Центр культуры славян Азербайджана проводили творческий конкурс, посвященный двухсотлетию со дня рождения А. С. Пушкина. Я представила туда стихотворение и стала лауреатом. Если не ошибаюсь, тогда же Мансуре была вручена памятная пушкинская медаль – такие в республике получили всего пять человек: Анар, Фархад Халилов, Фархад Бадалбейли и кто-то еще. Мансур был очень горд этим – я узнаю об этом от Инессы Ловковой, близкой ему женщины.

Наступил двухтысячный год, новый век. В начале года я отнесла Мансуре новые стихи, и вскоре они появились в журнале. Я вовсе не хочу сказать, что Мансур всегда принимал «на ура» все, что я приносила. Бывало, что он выбраковывал какое-то из стихотворений. Править он меня, правда, не правил, но порой сокращал одну-две строфы, говоря, что я не всегда умею остановиться, где нужно, и продолжаю разглагольствовать. Однажды, когда он из принесенной мною подборки отложил в сторону несколько стихотворений, сказав, что их он печатать не будет, я отважилась сказать (хотя обычно никаких комментариев по поводу его решений не давала):

– Почему ты не хочешь это опубликовать? Разве это так уж плохо? Многие пишут так и даже хуже, и ты публикуешь их.

Мансур ответил:

– У каждого есть свой уровень, свой потолок, свой предел возможностей. Твой поэтический уровень позволяет тебе писать лучше. Вот и пиши лучше, нечего халтурить!

Меня это несколько не обидело, напротив, я восприняла это как похвалу, но стало для меня хорошим уроком.

Вообще, мягкий и пушистый Мансур мог становиться и достаточно жестким, если речь шла о халтуре.

– Одно дело, когда человек не может писать хорошо, ему простительно, – говорил он. – Но когда тот, кто умеет, кому дано от Бога, халтурит, пишет, как придется, публикует все, что попало, – этого я понять не могу. Зачем так себя ронять?

Я старалась очень тщательно отбирать стихи, которые собиралась отнести Мансуре, придирчиво перечитывая каждое и выбирая лишь то, что мне казалось стоящим. Но самому не всегда удается дать верную оценку написанному тобой. Случалось, что Мансур браковал то, что мне казалось вполне сносным. А бывало и так, что стихи, по поводу которых у меня бывали большие сомнения, он принимал, они ему нравились. Я знала, что со стороны всегда виднее, кроме того, я доверяла его поэтическому вкусу и всегда с благодарностью принимала любое его решение и мнение. Очередную стихотворную подборку, которую я принесла в журнал, Мансур одобрил и напечатал полностью. Она появилась в журнале №1-3 за двухтысячный год.

В этом же, 2000-м, году произойдет очень грустное для меня событие – уйдет из жизни Владимир Кафаров, который тоже сыграл очень большую роль в моей творческой биографии и вообще в моей жизни...

2002 год принесет свои радости: Мансур посвятит мне еще одно небольшое, но очень дорогое для меня стихотворение – он напишет его от руки на обратной стороне обложки журнала «Литературный Азербайджан» за апрель 2002 года:

***Не забываю я об «эл» и «ка»,
Когда она бывает далека.
Но даже больше я бы мог сказать:
Она всегда со мной, как буква «ять».***

А летом того же года у меня будет юбилей – 50 лет. В редакции «Бакинского рабочего» его отметят официально – главный редактор, Заур Кадымбеков, – еще один важный в моей жизни человек, требующий отдельного рассказа о нем, который, я надеюсь, когда-нибудь будет написан, – соберет коллектив в своем кабинете и поздравит меня, вручив Почетную грамоту имени Зардаби, адрес и букет цветов. А после работы, уже в моем кабинете, пройдет неофициальная часть, с шампанским и пирожными, в которой примет участие узкий круг из числа моих коллег. Я попрошу прийти и Мансура, если он сможет. Он придет с Инессой Ловковой. Я слышала о ней, но видела впервые. Они поздравили меня и подарили большую морскую раковину, внутренняя поверхность которой была выстлана оранжево-розовым перламутром. Если приложить к ней ухо, можно услышать море, которое шумит в ней до сих пор...

И еще – выйдет в свет сборник моих стихотворений. Такой подарок к моему юбилею подготовит моя дочь. Дело в том, что я, в смысле популяризации и «увековечивания» своих произведений, – человек, тяжелый на подъем и даже можно сказать – ленивый. Первую мою книжку – сборник документальных очерков о шехидах Гарабаха – издал Центр культуры славян, взяв на себя полностью и материальную, и организационную стороны. И вот теперь вторую мою книгу издала дочь. К стыду своему, я не принимала в этом никакого участия – отбор стихотворений, компоновка их по тематике, расположение в сборнике, редактирование, оформление обложки, материальная сторона и т.д., все – благодаря усилиям дочки, сделавшей мне такой замечательный подарок.

Еще одним подарком стала аннотация к сборнику, написанная Мансуром Векиловым – очень лестная для меня. Позволю себе привести ее полностью:

«Елизавета Касумова – очень искренний человек. Это ее несомненное достоинство и в то же время слабость, потому что искренние люди, как правило, беззащитны. Но удивительно – беззащитность порой оборачивается щитом неуязвимости. Для Елизаветы Касумовой таким щитом является ее поэзия, помогающая ей отражать стрелы невежественной агрессии, слепого непонимания и отчуждения. К своему 50-летию она, по профессии юрист, известный в республике журналист, создала книгу стихов «Без грима». Эта книга, я уверен, достойна того, чтобы ее прочли понимающие люди. Мансур Векилов».

Вот сколько замечательных подарков принес мне 2002-ой год! Следующий я получила в 2006 году – вышел новый стихотворений сборник Мансура «Море мое», изданный на пяти языках – русском, азербайджанском (переводы Фикрета Годжи и Чингиза Алиоглу), английском (переводы Тамары Верескуновой), французском (переводы Ульвии Ахундовой) и немецком (переводы Алигасана Ширванлы), с замеча-

тельными иллюстрациями. Мансур подарил мне его с трогательной надписью:

«Лизонька (так он меня обычно называл), от сиреневой (голубой, он перепутал) книжицы, которую ты в свое время приобрела, до этой – целая жизнь, и в ней всегда есть место для тебя. Мансур. 4.VI.06»...

В последние годы Масур много болел – были проблемы со зрением, ему сделали операцию, но что-то пошло не так, появились проблемы с прооперированным глазом. Начало сдавать сердце, он попал в больницу. Его сестра, известный бакинский врач – кардиолог Наилья-ханым, тогда с трудом подняла его на ноги. Но Мансур не умел и не хотел болеть, не хотел лечиться, не берег себя. Мне иногда казалось, что он больше не дорожит жизнью, готов уйти. Он не хотел жить больным, ограничивать себя в чем-то – ему так было неинтересно, скучно... он словно подводил итоги. После довольно длительного перерыва один за другим вышли в свет сразу несколько его стихотворных сборников – миниатюрная книжка стихов, книга на пяти языках – «Море мое», и последняя, самая объемная, как бы итоговая – «Стихи разных лет и столетий». Эту книжку он подарил мне с надписью: «Дорогой Елизавете посвящаю строки эти». Эту книжку он подарил и моей дочери Элине, с которой я в свое время познакомил его на одном из литературных мероприятий, и к которой он всегда очень по-доброму относился. В подаренной ей книжке он написал: «Милой девочке Элине моя жизнь, как на картине». Он щедр был на теплые слова и многим надписывал свои книжки – зачастую в стихах, которые складывал мгновенно и щедро раздаривал. Все это было в 2007-м...

А потом наступил 2008 год – последний год его жизни. Наверное, здоровье его подводило все больше – он уже почти не бывал в редакции, работал дома, куда переместился его рабочий кабинет. Сюда ему приносили авторские материалы, здесь он правил верстку, сюда приходили авторы. Несколько раз он звонил мне, просил прийти, принести новые стихи, просто посидеть, поболтать. По нему не было видно, что он болеет – он держался, как обычно, шутил, иронизировал. Правда, я видела, что ему трудно читать, предложила вычитать что-то из верстки, иногда он мне давал что-то отредактировать...

Он успел отметить свой последний день рождения – в сентябре ему исполнилось 69. Его 70-летие мы отмечали уже без него...

Наша с ним последняя встреча – встреча-расставание – произошла за 10 дней до его ухода из жизни, который, несмотря на то, что он болел, оказался внезапным, известие о его смерти – во всяком случае, для меня, – прозвучало, как гром среди ясного неба...

Я не сильна в нумерологии, но удивительно: и Ираду ханым, и Мансура мне довелось в последний раз увидеть за десять дней до ее и до его ухода. И еще – Мансур ушел из жизни ровно через десять лет после ухода Ирады ханым. В нынешнем году – десятая годовщина со дня смерти Мансура, и двадцатая – со дня смерти Ирады ханым...

За день до нашей последней встречи я позвонила ему, спросила, как он, как здоровье. Мансур, как всегда, ответил: «Нормально». Спросил, есть ли новые стихи. Узнав, что есть, сказал:

– Приноси. Приходи ко мне завтра, к 11 утра. Обязательно...

Утром следующего дня вовсю лил дождь. Особой срочности со стихами не было, и я, было, решила попросить Мансура перенести нашу встречу на другой раз. Но что-то – быть может, его слова «приходи обязательно» – заставило меня вооружиться

зонтом и под проливным дождем потопать на остановку автобуса. Когда шла к его дому в 4-м микрорайоне, дождь был уже не таким сильным.

Он встретил меня, как всегда, с улыбкой. Прочел принесенные мной стихи, сказал, что поставит в очередной номер, который сейчас готовит (в этом номере – последнем, подготовленном Мансуром, действительно будут мои стихи, но номера этого сам Мансур не увидит – он выйдет, когда его уже не будет с нами)...

Потом мы долго будем о чем-то говорить – о журнале, об авторах. Он будет что-то вспоминать из своей жизни... Будет усердно угощать – выложит на стол торт, колбасу, сыр, фрукты... Мне почему-то не хотелось есть – быть может, потому, что сам он ничего не ел... Я посижу у него почти весь день. Собравшись уходить, выгляну в окно – дождя уже не будет.

– Ты, наверное, почти не выходишь из дома, – скажу я ему. – Тебе нужно больше бывать на воздухе. Давай выйдем вместе, походим.

Он неожиданно согласится. И мы спустимся с ним во двор. Свежий воздух будет чуть горчить, пахнуть осенью. Мы медленно бродили по уютным зеленым дворам вокруг его дома, любуясь зелено-желтой гаммой омытой дождем листвы.

– Вот это – наш детский сад, – скажет он. – Сюда я водил своих детей. Очень хороший детский сад был. Представляешь, до сих пор существует – столько лет прошло...

Из-за заборчика чьего-то палисадника будут выглядывать желтые, похожие на большие ромашки цветы. Он сорвет один из цветков, протянет мне... Позже, когда уже все случится, вспоминая эту нашу встречу, ставшую последней, я вздрогну от пронзившей меня мысли: желтые цветы – к разлуке...

Уже начнет смеркаться, и я затороплюсь домой. Да и Мансур устал – я видела, что ему тяжело идти, хотя он и старается не показать это.

– Давай я провожу тебя до дома и пойду, – сказала я.

– Нет, давай я провожу тебя до остановки...

Мы стояли на асфальтовой площадке примерно посередине между его домом и остановкой автобуса. Договорились расстаться прямо там, чтоб никто никого не провожал.

– Приходи ко мне в среду, – сказал Мансур. – У меня будут Саша Хакимов и Яна Кандова.

– Неудобно, – ответила я, – мы с ними не знакомы.

– Ты придешь ко мне, а не к ним, – сказал Мансур. – Приходи.

Я пообещала, но так и не пришла, о чем до сих пор очень жалею: с Сашей Хакимовым, бакинским писателем – фантастом, я познакомлюсь позже, а с Яной Кандовой, молодой, талантливой поэтессой так и не смогу познакомиться – она уйдет из жизни вслед за Мансуром. А главное, приди я на эту встречу, я увиделась бы с Мансуром еще раз...

Расставаясь, мы почему-то обнялись, чего обычно не делали. Я взглянула на его бледное, усталое лицо, и острое чувство жалости пронзило меня.

– Очень тебя прошу, береги себя, – сказали я. – Пообещай, что будешь себя беречь!

– Обещаю, – сказал он, грустно улыбнувшись. – Ну, иди...

Отойдя на несколько шагов, я обернулась. Мансур стоял и смотрел мне вслед...

Через десять дней мне позвонят и скажут, что Мансур умер. Все эти дни я думала, как он там один – Инесса уехала к дочери в другой город.

Он дождется ее возвращения и умрет...

Я плохо помню, как тряслась в автобусе, как затем торопливо шагала к его дому – от той самой остановки, через ту самую площадку, на которой мы попрощались, к тому дому, вокруг которого совсем недавно бродили по вымытым дождем улицам...Подходя к дому, увидела сидевшую на каменном барьерчике Инессу. Не сговариваясь, мы бросились друг к другу и разрыдались...

Потом мы сидели в комнате, в которой десять дней назад он угощал меня тортом. Стол, обычно стоявший у стены, теперь был выдвинут на середину комнаты, и на нем, завернутый в ковер, лежал он... то, что еще было им... его оболочка, тело. Сам же он был уже не здесь – душа его покинула нас...

После смерти Мансура, год за годом, незаметно пролетело десять лет. Все эти годы, 7 сентября и 21 октября, – дни его рождения и смерти – мы, его коллеги по редакции, приходим к нему. К нему – это теперь здесь, на кладбище. Он покоится тут среди своих родных – деда, отца, брата... Со скромного памятника черного гранита он смотрит на нас с доброй усмешкой, как бы говоря: «Пришли? Ну, как вы там?» Мы стоим и говорим о самых разных вещах, и меня не покидает ощущение, что и он участвует в нашей беседе – слушает, о чем мы говорим, переводя взгляд с одного на другого и улыбаясь каждому из нас...

Стихи в последнее время я пишу редко и мало, больше прозу. Не знаю, почему. Но иногда стихи все же случаются. И всякий раз мне хочется показать их Мансуру, посмотреть, какие из них он отложит в сторону, а про какие скажет: «Это я, пожалуй, опубликую». И так хотелось бы с ним просто поговорить – о жизни, о поэзии, о прошлом, настоящем, о будущем. Но Мансура нет рядом... И я говорю с ним мысленно, часто – стихами.

«Когда погибнут все мечты...»

**Твои последние стихи
Такие грустные,
Будто среди жизненных стихий
Жить стало пусто, тускло –
Среди людей толстокожих,
Чьи сердца заморожены,
И не слышат чужую боль,
Не умеют дарить любовь,
Тех, что, вроде, и рядом с тобой, –
Прикоснуться можно рукой, –
А на деле – так далеко.
Докричаться до них нелегко...
Столько всех вокруг. Но, однако,
Ты один, словно в полном вакууме.
И ты пишешь стихи про то,
Как люди, по примеру китов,
Бросающихся на берег,
Утратив в лучшее веру,
Разучившись плыть и любить, –
Решают уйти, не быть...**

Как живу?...

Как живу? Плыву по течению,
Выслушиваю чьи-то мнения,
Своих – не озвучиваю,
Убедилась: так – лучше.
До хрипоты не спорю,
Чужому голосу вторю,
От себя – отрекаюсь.
Не пререкаюсь.
Не «возникаю»...
В чужие игры играю,
По нотам чужим пою,
Советы легко раздаю,
Но не настаиваю,
Чтоб к ним прислушивались.
Для меня главное –
Не лезьте в душу!
Житейская мудрость –
Жить скупно и нудно:
Не встречать,
Не лезть в облака,
Все равно не залезешь...
Всему обучают
В житейском ликбезе:
Помалкивай в тряпочку,
Для всех будешь лапочка,
Стой в сторонке,
Ходи тихонько –
Словом, свети
Словно тускляя лампочка,
И жизнь пойдет гладко и плавно,
И жить будешь сытно и славно...

Все верно. Но почему-то
Так тосклива «житейская мудрость».

Вспоминая украинскую деревню.

Шумят деревья-великаны,
Листовою плещут на ветру,
И суматошно, окаянно
Петух горланит поутру.
Проснешься – спит еще деревня
В рассветной серой пелене,
И спит трава, уткнувшись в землю,
Горшки коричневые дремлют
На сером низеньком плетне.
Тропинкой, узкой невозможно,
Стараясь мимо не ступить,
Я зашагаю осторожно,
Чтобы траву не разбудить.

Увяжется за мною ветер –
Услужливый веселый бес,
И пес Мурзайка будет третьим...

Здесь все родное и – чужое,
Здесь все забыто и – во мне:
Река, что синею вождою
Бежит куда-то в тишине,
Вскрик поезда за лесом дальним,
И сад в осеннем неглиже,
И мокрый луг... И так печально
И тихо будет на душе.

Строчка из детства

Помню строчку из детства,
Быстрый кадр из былого,
Было так: я бежала
Среди солнечных бликов,
Две косички нещадно
По спине колотили,
Я бежала за солнцем,
И верила твердо,
Что успею ладонью
До него дотянуться
В миг, когда оно сядет
За черту горизонта...
Я теперь вспоминаю
С легкой грустью об этом –
Да, теперь я познала
Много истин. Но все же
Не хватает мне светлой
Веры в солнца доступность –
Мне так хочется снова
К горизонту бежать!

Бессильны мы...

Конец любви – неизлечимая болезнь,
Здесь никакое чудо не поможет,
Она умрет... Ну, хоть на стенку лезь,
Бессильны мы. Мы ничего не можем.

Чтобы могла она еще пожить,
Привязанностью доброй, чувством долга,
Ее уход мы можем отложить...
Но только это – тоже ненадолго.

И пусть следы ее еще свежи,
Нам никуда от этого не деться:
Любви остановившееся сердце
Листом увядшим в лужице лежит...

